

**ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL STUDIUL ARTELOR**

ARTA

SERIA ARTE VIZUALE

ARTE PLASTICE

ARHITECTURĂ

**Serie nouă.
Vol. XXIV, nr. 1**

CHIȘINĂU ♦ 2015

COLEGIUL DE REDACȚIE:

Mariana ȘLAPAC, membru corespondent al AȘM, dr. hab., conferențiar cercetător – *redactor-șef*
Constantin SPÎNU, dr., conferențiar universitar – *secretar responsabil*
Constantin Ion CIOBANU, dr. hab. Institutul de Istoria și Teoria Artei (București, România)
Miroslav Piotr KRUK, dr. hab., profesor universitar (Cracovia, Polonia)
Constantin PRUT, dr., profesor universitar (București, România)
Tudor STAVILĂ, dr. hab., profesor cercetător
Gheorghe BOBÂNĂ, dr. hab., profesor universitar
Tamara NESTEROV, dr., conferențiar cercetător
Ioan OPRIS, dr., profesor (București, România)
Liliana CONDRATICOVA, dr., conferențiar cercetător
Irina ARSKAIA, dr., cercetător științific principal, Muzeul Rus, Sankt Petersburg, Federația Rusă
Maia MOREL, dr., conferențiar, Institutul din Montreal, Canada
Emmanuel MOUTAFOV, dr., conferențiar, Director al Institutului Studiul Artelor al Academiei Bulgare, Sofia

RECENZENȚI:

Svetlana ILVIȚKAIA, dr. hab., profesor universitar (Moscova, Rusia)
Ion CHIRTOAGĂ, dr. hab., conferențiar cercetător

Lector: Vitalie ȚURCANU

Procesare computerizată, prelucrare imagini și tehnoredactare: Liliana CONDRATICOVA, dr.
Traducerea și redactarea rezumatelor în limba engleză: Ana GOREA, dr.

Toate articolele din acest volum au fost recenzate și recomandate pentru publicare de Consiliul științific al Institutului Patrimoniului Cultural al Academiei de Științe a Moldovei, proces-verbal nr. 07 din 20 octombrie 2015

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Arta / Academia de Științe a Moldovei, Institutul Patrimoniului Cultural, Centrul Studiul Artelor; col. red.: Mariana Șlapac (red. șef), ... – Chișinău: 2015. – ISSN 2345 – 1181: Arte Vizuale. Serie nouă. Vol. XXIV, nr. 1, 2015. 180 p. Bibliografie și note la sfârșitul articolului.
Tiraj 200 ex.

Ольга ПЛАМЕНИЦКАЯ

Крепость Каменец *in statu nascendi*

Rezumat

Cetatea Kamyanets-Podilsky *in statu nascendi*

Aproape 200 de ani savanții sunt interesați de problema originii orașului Kamyanets-Podilsky. În lucrare este argumentată concepția fondării orașului în perioada post-antică, cercetat ca fază de apariție în formă de cetate. Un complex anterior necunoscut, descoperit în limita Castelului Vechi, este atribuit ca o fortificație post-antică, care la începutul secolului al III-lea î.Hr. a apărut accesul în *castrum romanum* situat pe insula Orașului Vechi.

Cercetările podului care leagă castelul cu orașul Podului Castelului permit a-l considera un viaduct post-antic, reconstruit de constructorii armeni în perioada ulterioară celei tătar-mongole.

Rezultatele cercetărilor istoriografice, arhitectural-arheologice și chimico-petrografice permit revizuirea datărilor orașului și castelului, coborând cronologia primei etape până la epoca războaielor lui Traian.

Astfel, în mod indirect, sunt confirmate știrile din izvoarele istorice despre Kamyanets-Podilsky ca despre un oraș întemeiat de daci în primele secole ale erei noastre.

Cuvinte-cheie: Kamyanets-Podilsky, războaiele lui Traian, oraș-cetate, castrum romanum, Castelul Vechi, Podul Castelului.

Summary

The Kamyanets fortress *in statu nascendi*

The problem of the origin of Kamyanets-Podilsky city has been an object of interest for scientists for about 200 years. The work presents argumentation of the concept that the city was founded in Late Antique period, which is being considered as the stage of its origination as a fortress. Discovered within the boundaries of the Old Castle, a previously unknown fortification complex, it is attributed as a Late Antique fortress, which protected the entry to *castrum romanum* located on the Old City Island at the beginning of the III century B.C.

The research of the Castle Bridge, connecting the castle with the city, allows us to consider a Late Antique viaduct reconstructed in post-Tatar-Mongolian period by Armenian builders.

The results of historiographical, architectural, archaeological, chemical and petrographic researches enable to reconsider the foundation dates of city and of the castle, bringing the chronology of the first stage of their formation back to the era of Trajan wars.

Thus, the article indirectly confirms the data contained in the historical sources about Kamyanets-Podilsky as about a city founded by the Dacians in the 1st century AD.

Key words: Kamyanets-Podilsky, Trajan wars, city-fortress, castrum romanum, The Old Castle, The Castle Bridge.

Регион Подолья – области украинского левобережья Среднего Днестра – играл важную геополитическую роль в истории Центральной и Восточной Европы. Его изучение имеет концептуальное значение для истории Украины, на территории которой существовала Птолемея «Европейская Сарматия», Геродотова «Скифия», легендарная земля «Ойум». С регионом Подолья, являвшегося частью ареала липицкой и черняховской культур, источники связывают пять дакийских городов Европейской Сарма-

тии, остатки пяти римских крепостей на Днестре, отрезки Траяновых валов, интригующих исследователей вот уже два столетия. Здесь найдены сотни римских монет и больших монетных кладов, разнообразные предметы римского военного быта. Здесь, в эпоху Великого переселения народов, проходили готы и гунны, а позднее возникли сотни «градов» славянских племен тиверцев и уличей, десятки скальных языческо-христианских монастырей, сотни городищ Киевского и Галицко-Волинского госу-

дарства, ставших основой средневековых замков. Такая концентрация памятников говорит о динамичной и интенсивной архитектурно-градостроительной деятельности в регионе.

Историческая столица Подолья Каменец (именно так он именовался до XVII века) относится к числу городов, на ранней стадии своего развития ставших крепостями и являющихся предметом междисциплинарного интереса в области истории, археологии, архитектуры, кастеллологии. По письменным источникам город вышел на политическую арену довольно только во второй половине XIV в. – как столица Подолья и резиденция русско-литовских князей Корьятовичей. Вместе с тем, в ранних источниках он выступает как полностью сформированный городской центр с фиксированной территорией, предместьями, атрибутами военного и гражданского управления. В связи с этим возникает вопрос – сколько времени прошло с момента образования поселения до превращения его в город-крепость. В XIX было сформулировано три версии происхождения Каменца, хронология которых расходилась в диапазоне от XIV века до начала нашей эры¹. Спор о времени возникновения Каменца до сих пор продолжается.

Уникальная топографическая ситуация не оставляет сомнений, что в совершенстве укрепленный природой остров площадью около 50 га, окруженный петлей скалистого каньона р. Смотрич с доступом через узкий перешеек, должен был с древнейших времен привлечь внимание как место для поселения. Местоположение замка на мысу у перешейка, на котором расположен Замковый Мост, логически предопределяется задачей защиты въезда в город. Стойкий интерес исследователей к дате основания города связан, таким образом, с проблемой датировки трех компонентов градостроительной системы города-крепости – поселения на острове, замка и Замкового Моста. Поскольку же в структуре города замок играл роль форпоста, а не цитадели, совершенно очевидно, что он был сооружен с целью защиты въезда в город через мост на скальном перешейке. Мост, в свою очередь, появился из потребности коммуникации через неудобный перешеек с уже существующим городом. Таким образом, функциональная связь между компонентами урбанистической структуры говорит о хронологической последовательности их возникновения: поселение

на острове, стационарная коммуникация на перешейке, форпост на плато. Поиск ответа на вопрос о времени основания Каменца-Подольского в последнее время сфокусировался на проблеме датировки двух Старого Замка и Замкового Моста.

В изучении Старого Замка, ведущемся с конца 1940-х гг., можно выделить три отличных по методологии и кругу исследовательских задач этапа. На начальном этапе (1945–1961 гг.), состоявшем в выполнении обобщенной обмерной фиксации и первичного обследования, исследователи в строительной биографии замка насчитали четыре периода в хронологическом диапазоне XIV–XIX вв.

В результате архитектурно-археологических исследований второго этапа (1963–1980 гг.) архитектор-реставратор Е. Пламеницкая выявила в пределах главного двора Старого Замка остатки ранее неизвестных каменных стен и башен, атрибутированных как первоначальное ядро укрепления, получившее условное название «протозамок» и датированное по верхней хронологической границе археологического материала XI – нач. XIII вв.² Домонгольский период в истории замка был признан первой фазой формирования оборонительной системы города-крепости. Вместе с тем, несмотря на надежность комплекса артефактов XI–XIII вв., эта датировка наталкивалась на противоречия, касавшиеся последовательности строительных и культурных напластований. В числе укреплений «протозамка» Е. Пламеницкой были обнаружены остатки каменных оборонительных стен и башен, уходящих в стратиграфические слои, лежавшие значительно ниже горизонта XI–XIII вв. Сомнения относительно первоначальности домонгольского периода подкреплялись выводами химико-петрографических исследований³, согласно которым кладочные растворы «протозамка» не имели аналогов ни среди ранее изученных сооружений Каменца-Подольского, ни среди сооружений периода домонгольской Руси. Эти растворы были отнесены к неизвестной строительной школе, отличавшейся высокой культурой изготовления вяжущих веществ⁴.

Выявленные объекты «протозамка» представляли научную интригу, не находя убедительной историко-архитектурной интерпретации и не вписываясь в систему знаний об архитектуре не только Каменца-Подольского, но и всего западно-украинского региона, где

наблюдался некий хронологический хиатус с первых веков нашей эры до раннеславянского периода. Таким образом, основной проблемой стало определение эпохи «Х», в которой выявленные укрепления нашли бы непротиворечивую архитектурно-градостроительную интерпретацию и убедительные аналогии в оборонительном зодчестве эпохи, а появление города-крепости было бы исторически оправдано.

Возможность вписать новые факты в контекст архитектурно-градостроительного развития Подолья появилась на третьем этапе изучения фортификационных сооружений Каменца (1980–2010 гг.), когда в границах замкового мыса, Замкового Моста и предмостных укреплений, по обеим сторонам скального перешейка, были выявлены остатки значительно удаленных от «протоzamка» каменных сооружений, отнесенных по стратиграфическим, архитектурным и технологическим признакам к группе ранее выявленных укреплений. В итоге были существенно расширены пространственные и временные границы объекта исследования, в качестве которого мы рассматриваем единую оборонительную систему Старого города, сочетающую как природно-топографические факторы, так и фортификационные сооружения замкового мыса, перешейка и острова. Предметом исследования является стадияльное развитие системы укреплений города-крепости.

Большинство как уже известных, так и новых фактов, не получавших убедительной исторической и архитектурной интерпретации в контексте традиционных научных концепций, удалось объяснить в рамках новой концепции формирования города-крепости, предложенной автором этих строк и Е. Пламеницкой. Ее принципиальным отличием стало утверждение в истории Каменца-Подольского ранее неизвестного начального строительного периода, хронологически отдаленного от домонгольского на тысячу лет и восходящего ко II–III вв. н. э.⁵ Предъявляя доказательную базу новой концепции, считаем необходимым рассмотреть результаты исследований основных зон локализации древнейших памятников: в пределах замкового мыса и Замкового моста.

Верхнюю террасу замкового мыса занимает вытянутый в плане главный двор Старого Замка, в западной, напольной западной части которого в 1960-е гг. был выявлен «протозамок», маленькие прямоугольные башни кото-

рого в силу архаичной типологии получили название «вежи»⁶. Две из них входят в объемы позднесредневековых башен: квадратная вежа Денная – как часть башни Денной, а нетипичная трапециевидная в плане вежа Малая Западная – как часть фундамента башни Малой Западной. В границах западной части замкового двора при проведении реставрационных работ были археологически открыты ранее неизвестные фундаменты еще двух веж – овальной Вежи над Рвом и квадратной Верхней Малой Южной, а также фрагменты соединявших их оборонительных стен. Пятая вежа, получившая рабочее название Малая Южная № 1, была открыта на расстоянии около 80 м к югу от древнего ядра замка, на территории южной батареи Старого Замка. Таким образом, в основе средневекового замка была выявлена ранее неизвестная система ранних укреплений. В вопросе их датировки решающее значение приобрели типология, состав кладочных растворов, а также архитектурно-археологическая стратиграфия – взаимное расположение архитектурных остатков и надежно датированных культурных слоев. Количество датированных артефактов, учитывая небольшую площадь архитектурно-археологических шурфов, остается пока незначительным.

Вежа Денная является прямоугольным в плане (3,63 x 4,64 м по внутреннему контуру) восточным помещением башни Денной, стоящей на юго-западном напольном углу Старого замка. Сложена из дикого известняка на известково-алевроитно-песчаных (карбонатных) растворах трех типов⁷, соответствующих трем строительным этапам. Открытые в шурфах №№ 3 и 4 западная стена вежи и перпендикулярный к ней западный отрезок южной стены относятся к I этапу и сложены на растворе I-A2; восточная часть южной стены и северная стена II этапа – на растворе I-A3. При этом западная стена вежи – с зубцами, щелевидной бойницей и боевым ходом на отметке –1.37, а также примыкающий к ней вперевязь западный отрезок южной стены представляют собой часть оборонительной стены I этапа, образующей в плане залом. В результате пристройки к ней на II этапе северной и южной стен с одновременной надстройкой их до высоты 6 м над уровнем боевого хода образовалась трехстенная вежа, сложенная на близких по составу кладочных растворах группы I-A. Четвертая, внутренняя восточная стена вежи, была возведена на принципиально

ином растворе группы I-Б, что говорит о хронологическом разрыве между этапами.

Установить очередность и временные границы этапов удалось путем изучения стратиграфии внутри вежи Денной. Шурф № 4 показал, что в середине XVI в. внутреннее пространство вежи было вычищено до самого дна (отметка –2.29) и засыпано в один прием почти на всю глубину. Засыпка содержала вперемешку артефакты от III–II тыс. до н.э. до середины XVI в. Однако, перед засыпкой вежа была расчищена не полностью: часть слоев при ее южной стене сохранилась нетронутой, демонстрируя напластования, уничтоженные на большей части площади вежи. Это и позволило датировать вежу. Выявленный на отметке –1,25 промежуточный пол, плотно прилежавший к ее стенам *in situ*, представлял собой верхний горизонт слоя XII–XIII вв. Он находился на 12 см выше стыка кладок I и II строительных этапов, сложенных на растворах I-A2 и I-A3. Местом стыка была площадка боевого хода I этапа (отметка –1.37), на которую легла надстройка стены II этапа. Поскольку горизонт пола XII–XIII вв. оказался выше стыка кладок I и II строительных этапов, появление оборонительной стены и вежи ранее XII–XIII вв. было очевидно. Примыкание вплотную к стенам *in situ* нижележащих слоев, образовавшихся в период от раннего железного века до XII–XIII вв., подтверждало, что они росли в период существования вежи.

Еще одно обстоятельство подтверждало вышеприведенный вывод. Внутренняя лицевая поверхность южной стены вежи, принадлежащей залому оборонительной стены I строительного этапа, при пристройке южной стены II этапа была частично стесана в уровне между нижним полом вежи (отметка – 2,29) и обрезом боевого хода (отметка – 1,37). Поверхность стесали с целью выравнивания острого угла залама стены и превращения его в прямой для формирования прямоугольного помещения вежи. В соответствии со строительной логикой стесывание произвели лишь в пределах возвышавшейся над уровнем дневной поверхности части стены. Поэтому уровнем дневной поверхности II этапа можно считать отметку пола (– 2.29), лежащего на 1,04 м ниже горизонта XII–XIII вв.

Вышеописанные обстоятельства помешали Е. Пламеницкой в 1960-х гг. однозначно датировать вежу Денную. Тем более, что она была не единственным сооружением на растворах

группы I-A, обнаруженным на верхней террасе замкового мыса. В толще западной напольной оборонительной стены Старого Замка, соединявшей башню Денную с Малой Западной, был выявлен отрезок древней оборонительной стены с двумя щелевидными бойницами, сложенный на растворе I-A2, а в фундаментной Малой Западной башни – остатки трапецевидного в плане сооружения на растворе I-A3, получившего название Малой Западной вежи. Раствор I-A3 был выявлен в двух отрезках древней оборонительной стены (толщиной 1,5–1,6 м) под поверхностью замкового двора к северу от башен Денной и Лаской, в шурфе III-5 и в раскопе Рп-7. В том же раскопе Рп-7 был обнаружен фундамент овального в плане сооружения диаметром 6,0–7,2 м с толщиной стен 1,5–1,6 м, сложенный на растворе I-A4. У его подножия открылся ров, огибающий территорию «протоzamка»; в связи с этим сооружение получило название Вежа над Рвом. Остатки древней оборонительной стены у самого рва, как и остатки и Вежи над Рвом, перекрывал слой, насыщенный керамикой XI–XIII вв. Поэтому с высокой степенью вероятности можно утверждать, что древняя оборонительная стена и Вежа над Рвом возникли ранее XIII в.

Ареал укреплений, возведенных на растворах группы I-A, существенно расширился при исследовании нижних террас замкового мыса. На северной террасе Е. Пламеницкая выявила два отрезка древней оборонительной стены, пересекавшей мыс поперек на продолжении напольной западной стены замка, а на кромке нижней южной террасы были идентифицированы остатки еще четырех квадратных Малых Южных веж №№ 1, 2, 3 и 4⁸.

Таким образом, весь замковый мыс был охвачен по периметру древними каменными башенно-стеновыми укреплениями. Возможность их датировки появилась при исследовании Е. М. Пламеницкой в 1985 г. южной батареи, в выступающем углу которой была обнаружена сложенная на растворах группы I-A Малая Южная вежа № 1. Вежа, раскрытая до уровня первоначального пола на глубину 8,3 м, имеет ширину снаружи 5,04 м, внутри 2,16 м и толщину стен в основании 1,46 м. Ее восточная стена поворачивает на восток, переходя в древнюю оборонительную стену, сложенную на растворе I-A3 с забутовкой на растворе I-A4 (что свидетельствует о принадлежности обоих

растворов к одному строительному этапу). Пол вежи, раскрытый шурфом на глубину 5–6 м от современной дневной поверхности, представляет собой подтесанную под углом около 20° материковую скалу, покрытую толстым слоем обмазки раствором I-A5⁹. Слой копоти под обмазкой пола свидетельствует о существовании этапа, предшествовавшего обмазке. Обмазка наплывает на стены вежи, сложенные ниже площадки боевого хода на растворе I-A(X)¹⁰ и последовательно надстроенные над ней на растворах I-A2 и I-A3.

Абсолютная датировка растворов группы I-A была установлена в результате археологического исследования стратиграфии вежи Малой Южной №1, из которого стала очевидной произведенная до IX в. двукратная ее надстройка на растворах группы I-A. Решающее значение для их датировки имели выявленные в нижних стратиграфических слоях артефакты конца I – начала III вв. н. э.¹¹. Наибольшего интереса заслуживает обнаруженный *in situ* позднеантичный керамический венчик, вдавленный в еще влажную обмазку нижнего пола раствором I-A5. Керамика, аналогичная по составу теста, вошла в качестве наполнителя в раствор I-A2. Это стало основанием для датировки растворов группы I-A II–III веками нашей эры.

Надстройка Малой Южной вежи выше кладки, сложенной на растворе I-A3, была выполнена на растворах I-B1 и I-B2, соответствовавших периоду XIII в. Примечательно отсутствие в Малой Южной веже № 1 материалов XII в., а в ее кладке – растворов группы I-B, обнаруженных в веже Денной. Исходя из этого стало очевидным, что Малая Южная вежа № 1, расположенная в 80 м от «протозамка», функционировала в составе мысового укрепления на I–II строительных этапах (предположительно во II–III вв.), после чего была надолго заброшена и реконструирована уже в XIII в.

Растворы группы I-A стали основным датировочным признаком для оборонительных стен, трапезиевидной, овальной и семи квадратных трехстенных веж¹², образующих на замковом мысу укрепленный периметр протяженностью около 550 м. Вторым датировочным признаком стала типология веж с толщиной стен 1,5–1,6 м, размерами сторон 5–7 м, высотой около 6 м и формой плана, приближенной к прямоугольнику, характерная для башен римских крепостей. Уникальная для Каменца трапезиевидная форма Ма-

лой Западной вежи также характерна для угловых башен прямоугольных римских крепостей.

Не менее интересна типология укрепленного периметра замкового мыса, отсеченного от напольной стороны оборонительной стеной I этапа на расстоянии 200 м от перешейка. Расположенные по кромке скал каньона отрезки стен между вежами, увенчанные зубчатыми парапетами, имели длину от 30 до 60 м. На верхней террасе находилась четырехбашенная цитадель площадью около 700 м². Двухъярусность оборонительного периметра, при общей типологической схожести стен и башен с римскими аналогами, наблюдается в возникших на возвышенностях дакийских крепостях с нерегулярной формой плана укрепления. Ограничившись пока этим наблюдением, рассмотрим оборонительный комплекс на мысу в структуре города.

Бесспорно, что такое значительное по размерам укрепление должно было защищать подъезд к какому-то стратегически важному объекту на острове. Он осуществлялся через мост на перешейке. Известно, что в период осады Каменца турками (1672 г.) мост, представлявший собой арочную конструкцию на пилонах, был поврежден и реконструирован в 1685–1687 гг.: над стрельчатыми арками возведены пологие арки, подарочные пространства забутованы, и вся конструкция обложена по бокам мощными эскарповыми стенами. Таким образом, древний мост оказался замурован внутри каменного «саркофага».

С целью определения характера древней конструкции моста было проведено его архитектурно-технологическое исследование¹³, позволившее выяснить, что каменные пилоны моста сечения 2,0 x 4,0 м и высотой в среднем около 4 м сложены из известняка на растворах группы I-A, идентичных растворам древних укреплений замкового мыса. Стрельчатые же арки, соединяющие пилоны, сложены на растворах I-B2¹⁴, идентичных растворам XIII в. в вежах Денной и Малой Южной № 1. Близкий по составу раствор I-B3 обнаружен в апсиде армянской Благовещенской церкви (на территории острова Старого города), строительство которой относят к концу XIII – началу XIV вв. Главным выводом исследования Замкового Моста стало выявление двух строительных этапов, хронологический разрыв между которыми составил почти тысячелетие. Это обстоятельство требует объяснения с учетом того, что кладочный

раствор стрельчатых арок датируется весьма точно и соотносится с периодом переселения в Каменец армян, основавших здесь большую общину и проводивших в городе масштабное строительство. Возникает закономерный вопрос: если стрельчатые арки были возведены в XIII в. армянскими мастерами, кем могли быть сооружены каменные пилоны моста и оборонительный комплекс на замковом мысу.

Рассмотренные факты вплотную подводят к проблеме определения эпохи «X», в которой: а) строительство оборонительной системы на мысу и коммуникации с островом было исторически оправдано; б) выявленные каменные укрепления имеют аналоги в оборонительном и инженерном зодчестве; в) возведение каменного моста согласовывается со строительным опытом эпохи. Такая постановка проблемы актуализирует третью, так называемую «дако-римскую» версию основания города.

В историографии Каменца-Подольского имеется немало упоминаний о его связи с упомянутым К. Птолемеем городом древней Дакии Клепадавой, а также с одной из описываемых К. Багрянородным заброшенных римских крепостей на левом берегу Днестра¹⁵. Историческим контекстом основания Клепадавы считали Траяновы войны (101–107 гг.), в итоге которых Дакия была превращена в провинцию Imperium Romanum, а прилегающие к ней территории Barbaricum Solum, в том числе населенные даками области левобережья Днестра¹⁶, попали под контроль римлян¹⁷, разместивших здесь два легиона¹⁸. Эта версия в XX в. была отброшена как необоснованная, а значительный фактографический материал не получил научной интерпретации. Выявление древних оборонительных сооружений в Каменце-Подольском, а также вежи в Комарове, на южном берегу Днестра¹⁹, значительный прогресс в археологических и нумизматических исследованиях, постепенно меняющий взгляд науки на историю региона в I тысячелетии нашей эры²⁰, вынуждают вновь обратиться к «римскому следу». С учетом накопленного фонда фактов представляется обоснованной гипотеза о римском военном присутствии на левобережье Среднего Днестра в первые века нашей эры²¹.

В этой связи важно отметить типологическое сходство укреплений на замковом мысу с дакийскими и римскими нерегулярными крепостями, а каменецких веж – с дакийскими и римскими квадратными, трапециевидными и круглыми башнями²².

На тысячелетнем временном отрезке, верхней границей которого является домонгольский период, не было иных мастеров-строителей, кроме римлян, которые могли возвести каменные пилоны моста и мощное укрепление на замковом мысу. И в таком случае домонгольский период является не начальной фазой формирования города, а этапом его развития на более ранней основе²³. В рамках этой версии топографическая структура «замковый мыс – перешеек – остров» обретает градостроительный смысл: «форпост – мост – военный лагерь».

Подведем итоги. Можно предполагать, что в первые века нашей эры на острове Старого города существовало венное поселение (castrum romanum), связанное каменным виадуком с позднеантичной крепостью на замковом мысу, возведенной романизированными даками или римлянами. После распада Imperium Romanum поселение и крепость были покинуты. В конце I тысячелетия укрепление на замковом мысу возродилось, и часть полуразрушенных древних сооружений была включена в его состав. Древний каменный виадук на перешейке был перестроен в XIII веке.

Таким образом, домонгольский период в общей периодизации истории Каменца-Подольского обретает новое содержание – как стадия модернизации позднеантичной крепости. Вследствие этого возникает ряд важных проблем, связанных с дальнейшими исследованиями укрепленного поселения на острове, определением периода его функционирования, выяснением времени возрождения, а также с уточнением архитектурно-пространственной концепции. Не менее важно, с учетом выявленных каменных домонгольских укреплений других западноукраинских замков, определить степень уникальности древней оборонительной системы Каменца-Подольского в контексте оборонительного строительства Центральной и Восточной Европы.

Характеристика строительных растворов II–III вв. *

Группа		Под-группа	Визуальная характеристика	Прочностная характеристика
I-A	Тип – известково-алеврито-песчаный (песок карбонатный). Структура псаммитовая с участием алевритовой. Вяжущее – известь. Заполнитель – мелкозернистый карбонатный песок с добавлением кварца. В : 3 = 1,0 : 0,3 – 1 : 1 Количество заполнителя составляет 30–50 % площади шлифа; на карбонатную составляющую приходится 20–40 %, остальное – кварцевая и глинистая составляющие. Количество цемента в заполнителе – 5–10%. Цвет и прочность растворов подгрупп зависят от количества заполнителя. Включения: цемент, древесный уголь, желтый ракушечник, пирит, рудные включения. Примесь – растительный клей	I-A1	Серый холодноватого тона, со значительно-го размера (до 10 мм) фракциями бело-охристой извести и белого известняка (коралла), растительного клея	Прочный
		I-A2	Охристо-серый однородный, с фракциями (до 0,2 мм) бело-охристой извести, оранжевого ракушечника, розового и красного известняка (коралла), толченой керамики, растительного клея	Прочный, отличающийся высокой культурой и тщательностью изготовления
		I-A3	Светло-оранжевый пестрый, с яркими фракциями оранжевого ракушечника, розового и красного известняка (коралла)	Прочный, отличающийся высокой культурой и тщательностью изготовления
		I-A4	Светло-оранжево-серый, однородный, с мелкими фракциями красного известняка (коралла)	Очень легкий, достаточно прочный (возможно, вариант I-A3)
	Тип – известково-гипсово-песчаный. Структура пористая, пемзовидная. Вяжущее – известь. Заполнитель – микро-мелкозернистый гипс, карбонат кальция и мелкозернистый карбонатно-кварцевый материал в соотношении 1,0 : 5,0 : 0,5. Примесь – растительный клей	I-A5	Окраска светлая, почти белая, с редкими кремоватыми участками неправильной формы и прожилками	Очень легкий, достаточно прочный. (Единичный образец)

Ссылки и примечания

¹ «Литовская» версия базируется на недатированных известиях Литовской летописи об основании Каменца в 1360-е гг. и на тексте грамоты князей Корьятовичей 1374 г. «Древнерусская» версия основывалась на известии Ипатьевской летописи, в которой упоминался город Каменец. Предметом дискуссии стал вопрос тождества летописного Каменца и Каменца-Подольского. «Дако-римская» версия основывается на информации древних источников (географа К.Птолемея и авторов XVII в.) о существовании на месте Каменца в первые века нашей эры, в период Траяновых войн, города даков – Клепидавы.

² Пламаницька Є. М. Про час заснування Кам'янець-Подільського замку-фортеці. Слов'янськ старожитності. Київ, 1969, с. 124-144.

³ Периодизацию сооружений из природного камня можно установить лишь по двум параметрам: по характеру перевязей стен и по составу кладочных растворов. Ведущая роль в исследованиях строительной стратиграфии укреплений принадлежит кладочным растворам. Среди многочисленных исследованных растворов древнейших сооружений выделено три основные группы, отличающиеся по составу вяжущего и заполнителя: I – известково-карбонатные (с заполнителем в виде измельченного

известняка); II – известково-песчаные (с заполнителем в виде кварцевого песка); III – глинистые. Эти группы характеризуют принципиальные изменения строительной технологии. Внутри каждой группы определены подгруппы, характеризующие технологические особенности, связанные с временными периодами, а внутри подгрупп – типы, характерные для строительных этапов и объектов, сооруженных в хронологически близкое время. Базовым материалом для датировки строительных этапов стали растворы кладок сооружений и их фрагментов, четко датированных по эпиграфическим, архивным и археологическим исследованиям.

⁴ Стриленко Ю., Нашиванко Е. Заключение лаборатории по результатам анализа строительных растворов Каменец-Подольской крепости. Научно-технический отчет. Киев. Архив института «УкрНИИпроектреставрация». 1971.

⁵ Plamenytska O., Plamenytska E. Daco-Roman Period in the History of Kamianets-Podilsky: Toward an Understanding of the Problem. 2nd International Conference «Problems and Methods in Historical Archaeology». Abstracts. – Toronto – Lviv, 1992, p. 26-27; Пламеницька Є., Пламеницька О. Нова концепція формування системи фортифікацій Кам'янця-Подільського в аспекті визначення віку міста. Фортифікація України. Міжнародна конференція з проблем охорони фортифікаційних споруд в Україні. Матеріали. Кам'янець-Подільський, 1993, с. 22-24; Пламеницька О. Исследования Каменца-Подольского над Днестром (к вопросу атрибуции моста на рельефе колонны Траяна в Риме. Реставрация, реконструкция, урбоекотология: материалы щорічного міжнародного симпозиуму RUR'98. Одеса – Білгород-Дністровський, 1998, с. 52-55; Пламеницька О., Пламеницька Є. Місто на периферії Римської імперії. Найдавніша урбаністична структура і фортифікації Кам'янця на Поділлі. Пам'ятки України: Історія та культура, 1999 (4), с. 1-80; Plamenytska O. Recenti sviluppi degli studi sulle origini della cultura urbanistica e delle fortificazioni ucraine nel periodo delle guerre di Traiano. Fondazione Cassamarca. Conferenza Internazionale «Umanesimo Latino in Ucraina», Leopoli, Casa della Scienza, 8 giugno 2002. Treviso: Fondazione Cassamarca, 2004, p. 59-78; Пламеницька О. Castrum Camenecensis. Фортеця Кам'янець (пізньоантичний – ранньомодерний час). Кам'янець-Подільський, 2012.

⁶ Терминологическое различие между «вежей» и «башней» основывается на главном признаке – приспособлении архаичной вежи для лобового обстрела и башни – для фланкирующего.

⁷ Характеристики растворов см. в таблице.

⁸ Пламеницька О., Пламеницька Є. Місто на периферії Римської імперії., с. 53.

⁹ Раствор I–A5 имеет известково-гипсово-песчаный состав и является единичным. Применение

гипса в обмазках полов известно в дороманской архитектуре с VI в. В Римской империи гипс использовался для оштукатуривания стен в интерьерах, превосходя по прочности каменную кладку (Значко-Яворский И. Л. Очерки истории вяжущих веществ от древнейших времен до середины XIX века. М.-Л., 1963, с. 58-64. Исходя из физико-технических качеств раствора его использование в конструкции наклонного пола стоящей на обрыве вежи можно расценивать как сознательный выбор строителей.

¹⁰ По техническим причинам образец этого раствора взять не удалось; исходя из локализации в сооружении бесспорно, что он принадлежит к группе I-A.

¹¹ Материал датирован старшим научным сотрудником Института археологии НАН Украины, канд. ист. наук. С. Б. Буйских.

¹² По архивным документам удалось выявить еще три вежи, входившие в систему укреплений мыса – одну на верхней, и две на северной нижней террасе (Пламеницька О. Castrum Camenecensis., с. 126-130).

¹³ Исследования внутренней конструкции Замкового моста выполнялись в 1980 и 1982 гг. кафедрой дорог и мостов Киевского автодорожного института (А. Шкуратовский), в 1994 г. киевским Научно-исследовательским институтом теории и истории архитектуры и градостроительства (О. Пламеницькая) и Украинского транспортного университета (А. Шкуратовский), в 1997 г. – международной группой специалистов Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (О. А. Пламеницькая), Государственного научно-технологического центра консервации и реставрации памятников (Ю. Н. Стриленко) и Варшавского научно-исследовательского института дорог и мостов (Януш Рымша). См.: Пламеницька О., Пламеницька Є. Фортечний міст Кам'янця-Подільського. Архітектурна спадщина України, № 2. Киев, 1995; Plamenytska O., Plamenytska E. Most Zamkowy w Kamieńcu Podolskim: Na marginesie badań kolumny Trajana w Rzymie. Kwartalnik Architektury i Urbanistyki, t. XLIII, 1998, zesz. 3, s. 183-207; Пламеницька О. Замковий міст у Кам'янці-Подільському, пам'ятка архітектури II–XVIII ст. Науково-проектна документація на реставрацію. Т. II. Комплексні дослідження. Фонд «Замковий міст». Київ, 2001. Научный отчет. 351 с.; Пламеницька О. Castrum Camenecensis., с. 130-143.

¹⁴ Общая характеристика растворов группы I–B. Состав – известково-карбонатный. Структура псаммитовая в сочетании с алевроитовой. Цвет темно-серый с палевым оттенком. Редкие включения белых известковых комочков и темно-серых алевроитово-глинистых комочков. Растворы пылеватые, непрочные. Заполнитель – плохо отсортирован-

ный карбонат-кварцевый песок (кварц составляет 10–15%). Природная добавка глинистых минералов (10–15%). Соотношение вяжущего и заполнителя – 1 : 4–5 (1 : 5–6). Две подгруппы отличаются показателем прочности: более прочные растворы имеют незначительные включения турителавидных ракушек, менее прочные – значительные добавки ракушек и гальки.

¹⁵ Ptolemei Claudii. Geographia e codicibus recognovit, prolegomenis, annotatione indicibus, tabulus instruxit. V. I. Parisiis, 1883, p. 434; Багрянородный Константин. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий. Москва, 199, с. 157, 391.

¹⁶ На территории украинского Закарпаття и в Вехнем Поднестровье археологически исследованы поселения липицкой и дакийской культуры, относящиеся к дакийскому этнокультурному массиву. Цигилик В. М. Населення Верхнього Подністрів'я перших століть нашої ери. Київ, 1975, с. 163; Винокур І. Черняхівська культура: витоки і доля. Кам'янець-Подільський, 2000, с. 274.

¹⁷ Бандрівський М., Бандровський О. Поява пам'яток східносередземноморських культур на Придністровському Поділлі. Україна в минулому. Вип. 2. Київ-Львів, 1992, с. 5–26; Бандровський О. Г. Свідчення про перебування римських допоміжних з'єднань у Подністров'ї. Нові матеріали з археології Прикарпаття і Волині. Тези конференції. Львів, 199, с. 43–45.

¹⁸ Вердум Ульріх фон. Щоденник подорожі, яку я здійснив у роки 1670, 1671, 1672... через королівство польське. Жовтень. Львів, 1983, № 10, с. 102.

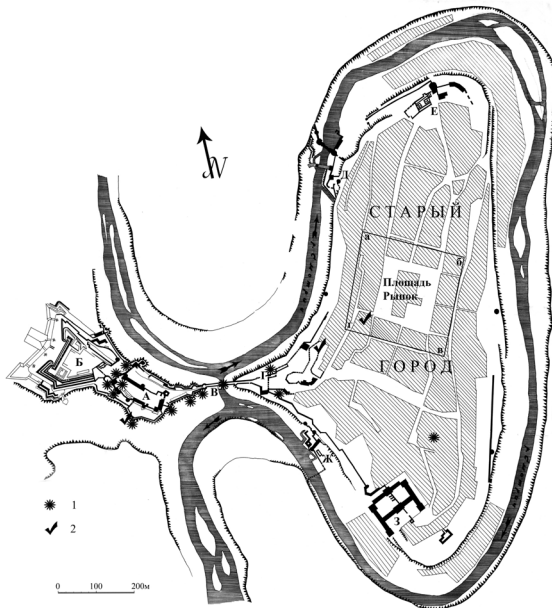
¹⁹ Бандрівський М. Про час появи техніки кам'яної кладки і мурування на західноукраїнських землях. Вісник інституту «Укрзахідпроектреставрація». № 8. Львів, 1997, с. 33–40; Петраускас О. В., Милян Т. До питання про етнокультурні складові виробничої факторії пізньоримського часу в Комарові. X Міжнародна наукова конференція «Археологія Заходу України». Львів, 2013.

²⁰ Бандровський О. Г. Свідчення про перебування римських допоміжних з'єднань у Подністров'ї. Нові матеріали з археології Прикарпаття і Волині. Тези конференції. Львів, 1992. С. 43–45; Бандровський О. Г. «Дакийська політика» Римської імперії від Доміціана до Траяна. Carpatica – Карпатика. Ужгород, 2007. Вип. 36, с. 125–151; Погорілець О. Г., Саввов Р. В. Давньоримський військовий диплом з Поділля. Нумізматика і фалеристика. 2007. № 2, с. 1–7; Надвирняк А., Погорілець О. К проблеме начала поступления римской имперской монеты в междуречье Среднего Поднестровья и Среднего Приднестровья. Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2013, с. 30–31; Надвирняк О., Погорілець О., Надвирняк О. О. Про деякі особливості обігу римської монети і проблематику виникнення та формування черняхівської культури в межиріччі Середнього Подністрів'я і Південного Побужжя. Наукові записки з української історії. Вип. 33. Переяслав-Хмельницький, 2013, с. 11–16.

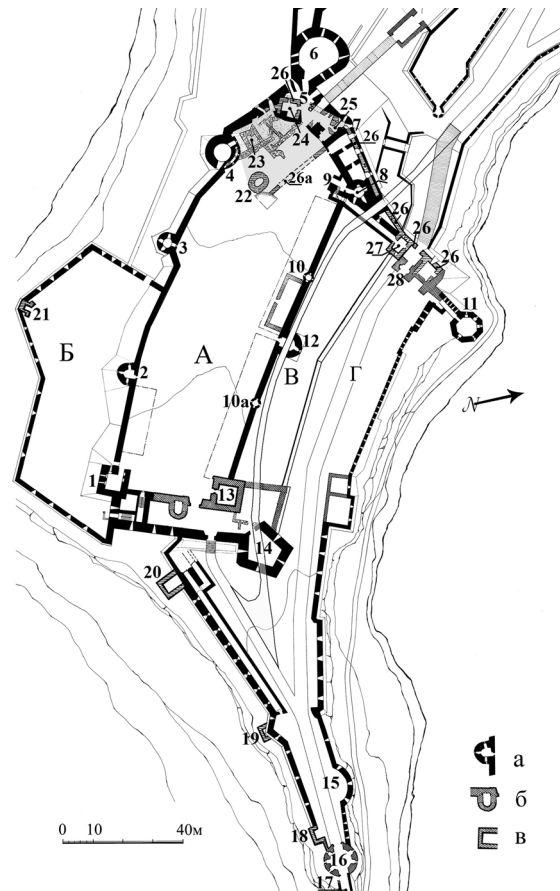
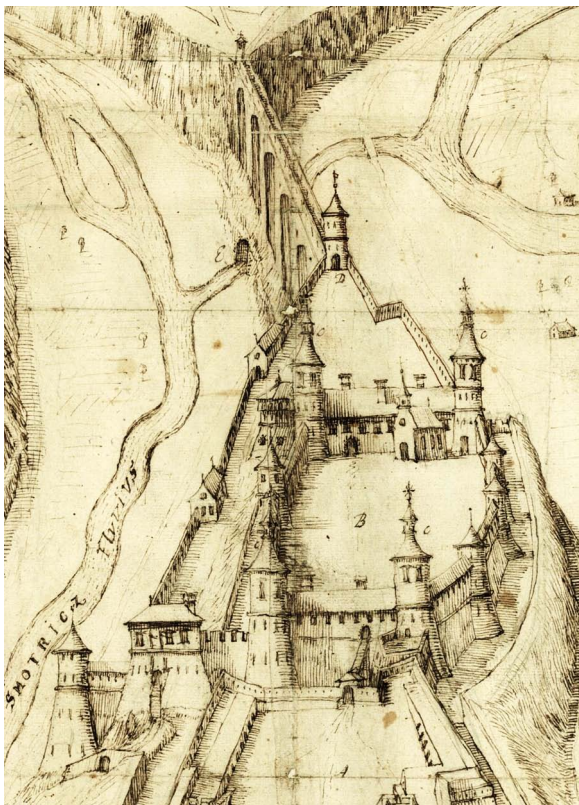
²¹ Пламеницька О., Пламеницька Є. Місто на периферії Римської імперії..., с. 57–58; Plamenytska O. Recenti sviluppi degli studi sulle origini della cultura urbanistica e delle fortificazioni ucraine nel periodo delle guerre di Traiano. Fondazione Cassamarca. Conferenza Internazionale „Umanesimo Latino in Ucraina”. Leopoli, Casa della Scienza, 8 giugno 2002. Treviso: Fondazione Cassamarca, 2004, p. 59–78; Пламеницька О. Castrum Camenecensis..., с. 14–32, 102–153.

²² Antonescu D. Introducere în arhitectura dacilor. București, 1984, p. 97–149; Biernacka-Lubańska M. The Roman and Early-Byzantine fortifications of Lower Moesia and Northern Thrace. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź, 1982, p. 70–102; 129–136, 152–161; Vlădescu C. M. Fortificațiile Romane din Dacia Inferior. Craiova, 1986; Буйских С. Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев, 1991, с. 11–47, 104.

²³ Пламеницкая О. А. Особенности средневековой застройки центра Каменца-Подольского. Архитектурное наследие. Вип. 33. М., 1985, с. 59–61.

Каменец-Подольский. Схема расположения оборонительных укреплений. А – Старый замок, Б – Новый замок, В – Замковый мост, Г – Городские ворота, Д – Нижние Польские ворота, Е – Верхние Польские ворота, Ж – Русские ворота, З – крепостные казармы. 1 – местоположение сооружений, построенных на растворах группы I–А; 2 – места обнаружения позднеантичной керамики; абвг – конфигурация гипотетического римского лагеря (чертеж О. Пламеницкой)

Старый замок. А – главный двор, Б – Южная батарея, В – северная батарея, Г – нижняя северная терраса; а – сохранившиеся сооружения XIII–XVIII вв.; б – фундаменты сооружений XIV–XVI вв., в – остатки сооружений II–III вв.; Башни: 1 – Папская, 2 – Колпак, 3 – Тенчинская, 4 – Лаская, 5 – Денная, 6 – Новая Западная, 7 – Малая Западная, 8 – Рожанка, 9 – Ружицкая, 10 – Комендантская № 1, 10а – Комендантская № 2, 11 – Водная, 12 – Лянцкоронская, 13 – Черная (руины), 14 – Новая Восточная, 15 – полубашня перед Замковым мостом, 16 – святой Анны (фундаменты), 17 – Замковый мост; Вежи: 18 – Малая Южная № 3, 19 – Малая Южная № 4, 20 – Малая Южная № 2, 21 – Малая Южная № 1, 22 – над Рвом (фундаменты), 23 – Малая Верхняя Южная (фундаменты), 24 – Денная, 25 – Малая Западная (фундаменты), 26 – древняя западная оборонительная стена, 26а – древняя северная оборонительная стена (фундаменты), 27 – вежа Старая Рожанка (фундаменты), 28 – Польные ворота (фундаменты). (Чертеж О. Пламеницкой)

Старый замок на рисунке 1684 г. Giacomo Cantelli. Kamieniec totius christianitatis quondam non postponendum propugnaculum. Biblioteka Narodowa, Warszawa. Zb. Kart. Sygn. ZZK 1 317

François Paul Sainte de Wollant, constructor de fortificații

Rezumat

François Paul Sainte de Wollant, constructor de fortificații

François Paul Sainte de Wollant (Frantz Pavlovitch de Wolant, De-Wollant, Dewollant) s-a afirmat la sfârșitul secolului al XVIII-lea – începutul secolului al XIX-lea ca arhitect, urbanist, hidrotehnician și om de stat al Imperiului Rus, dar și ca un remarcabil constructor de cetăți. El a întocmit planuri topografice ale fortificațiilor bastionate de la Palanca și Hotin, concepute în spiritul amenajărilor defensive otomane, cu bastioane poligonale masive de tip burç, în care parapetele de pământ erau înlocuite cu gabioane. Un alt document grafic semnat de inginerul F. de Wollant în Moldova este planul topografic al cetății Bender și al satului Parcanii Noi. Fortificația bastionată situată pe malul râului Nistru utilizează parțial prima manieră de fortificare a renumitului inginer francez Sébastien Le Prestre de Vauban, dar existând și anumite similitudini cu școala austriacă. Expedițiile în zona pontică și cea nistreană, în Crimeea și pe litoralul Mării Azov s-au finalizat cu edificarea cetăților bastionate de la Tiraspol, Ovidiopol (Hacider), Odesa (Hacibey), Sevastopol, de pe peninsula Taman ș.a. Astfel, fortificația Tiraspolului, numită Cetatea Nouă sau Cetatea de Mijloc, a fost edificată în 1793–1795. Bastioanele goale înzestrate cu depozite de pulbere, unghiul drept format de flancurile bastioanelor și cortine, precum și multiplicarea contragardelor „cu clești” – toate acestea amintesc de fortărețele olandeze din secolul al XVIII-lea, în special de maniera de fortificare a inginerului flamand Georges-Prosper de Verboom. Traseul frânt în exterior al cortinelor pare a fi o reminiscență a manierei inginerului olandez Menno Van Coehoorn. Fortul de la Ovidiopol dispunea de un contur tenaliat și amintea avanposturile construite în zona de frontieră a Imperiului Rus la sfârșitul secolului al XVIII-lea. Cetatea Mare de la Odesa îmbina traseul tenaliat cu cel bastionat „clasic” și avea cortine frânte spre exterior, caracteristice fortificațiilor bastionate olandeze. Prezintă interes concepția inginerului referitoare la amplasarea liniilor eșalonate de apărare în partea de vest a Imperiului Rus – trei centuri distincte de piese defensive puternice suplimentate cu un sistem bine gândit de forturi-avanposturi și piețe de arme.

Cuvinte-cheie: François Paul Sainte de Wollant, fortificații permanente, cetăți bastionate, arhitectura de apărare bastionată, construcții defensive de școală olandeză.

Summary

The fortifier François Sainte Paul de Wollant

Francois Paul Sainte de Wollant (Frantz Pavlovitch de Wolant, De-Wollant, Dewollant) was known not only as a talented architect, town planner, hydraulic engineer and statesman, but also as an outstanding fortress builder, who served the Russian Empire from the end of the XVIII to the beginning of XIX centuries. He compiled topographic plans of the bastion fortresses from Hotin and Palanca, designed in the Ottoman style and reinforced by massive bastions of burç type, whose earthen parapets were replaced by gabions. Another graphic document, signed by engineer F. de Wollant, is the topographic plan of Bender fortress and of the village Parkanii Noi. The bastion fortification, situated on the bank of the Dniester River, uses, in some way, the first manner of the famous French fortification engineer Sébastien Le Prêtre de Vauban, but also some similarities with the Austrian school can be observed. The expeditions to the Black Sea region, the Dniester, the Crimea and the Azov Sea ended with the construction of bastion fortresses from Tiraspol, Ovidiopol (Hacider), Odessa (Hacibey), Sevastopol, from the Taman Peninsula and other. Thus, Tiraspol fortification called the New Fortress or the Middle Fortress was built in 1793–1795. The empty bastions are endowed with gunpowder storehouses, the right angle is formed of clumps and wing bastions, the multiplication of kontrgardy with „claws” – all these are reminiscent of Dutch fortresses of the XVIII century, especially of the fortification manner of the Flemish engineer George-Prosper de Verboom. The broken route of the clumps in the exterior remind of the style of the Dutch engineer Menno van Coehoorn. The Fort from Ovidiopol had a tenable tracing and reminded of frontier outposts of the Russian Empire at the end of the XVIII century. The Big Fortress from Odessa combines the tenable route with the „classical” bastion and had broken clumps in the exterior, which are characteristic features of Dutch fortresses. The concept of F. de Wollant related to the location of echeloning lines of defence in the western part of the Russian Empire is of interest. These were three powerful belts of fortification, supplemented by a well-thought system of outposts and places of arms.

Key words: François Paul Sainte de Wollant, permanent fortifications, bastion fortresses, bastion defensive architecture, defensive constructions of Dutch school.

François Paul Sainte de Wollant (Frantz Pavlovici de Wolant, De-Wollant, Dewollant) s-a afirmat la sfârșitul secolului al XVIII-lea – începutul secolului al XIX-lea ca arhitect, urbanist, hidrotehnician și om de stat al Imperiului Rus, dar și ca un remarcabil constructor de fortificații¹. El s-a născut la 20 septembrie 1752 în orașul Atwerpen în familia unor nobili din Brabant. Ca și tatăl său, locotenent-colonelul Paul de Wollant, tânărul François a ales să se dedice carierei militare. Primele cunoștințe în domeniul artei de fortificare el le-a înșușit în America de Nord în timpul războiului Franței și Olandei împotriva puterii britanice². Mai târziu el a fost rechemat în Patrie pentru elaborarea unui atlas al regiunii de sud-est a Țărilor de Jos, lucrările cartografice fiind încheiate înainte de 1786.

Situația politică din țară l-a impus să părăsească armata olandeză și să se angajeze, în octombrie 1787, la recomandarea ambadorului rus din Haga, Stepan Kolăcev, în serviciul militar al Imperiului Rus, unde F. de Wollant și-a început activitatea în calitate de maior al Corpului de ingineri.

În 1788, în timpul războiului dintre ruși și suedezi, el a participat la lupta de la Gotland, îndeplinind funcția de comandant de artilerie pe una din cele șapte nave care făcea parte din flota militară a amiralului Greig³. Ulterior mercenarul olandez a realizat lucrări de recunoaștere pe malurile Suediei, a elaborat un proiect de transportare a apei potabile în portul Revel și a executat o serie de reparații în timpul inspecției porturilor baltice⁴.

Dat fiind că general-feldmareșalul Grigori Potiomkin căuta un specialist de înaltă calificare în domeniul ingineriei militare, François de Wollant a fost chemat în primăvara anului 1789 în Armata de Sud a Imperiului Rus, dislocată la acea vreme în regiunea Taurida⁵. În calitate de inginer de serviciu de pe lângă principele Potiomkin, el avea în sarcină completarea registrului operațiunilor militare antiotomane ale trupelor rusești. Îl regăsim participând la acțiunile armate de la Căușeni, Palanca și Akkerman, la asediul Chilie și al Ismailului, în luptele pentru Brăila, Măcin și Babadag⁶.

Este cunoscut planul topografic al localității nistrene Palanca („Plan topographique de la ville et fortr. Palanka sur le Dnestre prise par l'armée russe le 24 septembre 1789”), întocmit de mercenarul olandez⁷. Artera principală a așezării medievale, probabil Ulița Mare, ajunge până la poarta de acces a fortificației bastionate. Cetatea înscrie în plan un contur apropiat de un trapez, dezvoltat în sens longitudinal, cu o suprafață de circa 0,9 ha. Colțurile

ei sunt apărate de un turn cilindric de piatră și trei bastioane masive de pământ de tip deschis, unde sunt instalate piesele de artilerie. Pe document sunt indicate drumurile interurbane și străzile, casele de locuit, fântânile, o moară de vânt și ruinele unui val de pământ, numit pe desen „vielle digue recon-nue pour la voie Trajenne” (dig vechi recunoscut ca drumul lui Traian – fr.), cunoscut și ca „Valul Șarpelui”. Se pot vedea, de asemenea, două cazărmi temporare ale cazacilor, care au staționat la Palanca, precum și cartierul general al lui Potiomkin aflat în afara ariei construite. Axa longitudinală a cetății de plan apropiat de cel trapezoidal este orientată pe direcția nord-sud. Turnul de piatră din colțul de nord-est al fortificației care dispune de parter și etaj este, după relatările călătorului turc Evliya Celebi, „un turn puternic, având forma circulară ca și cetatea Galata” (fortificația din cartierul genovez al Constantinopolului – n.a.)⁸. Alături de el se găsește depozitul de pulbere. Din document aflăm că pe bastionul de sud-est erau instalate cinci tunuri, pe bastionul de sud-vest – opt tunuri, iar pe bastionul de nord-est – nouă tunuri. Bastionul din colțul de sud-est înscrie un plan pentagonal, bastionul din colțul de sud-est propune de asemenea un plan pentagonal, având două fețe și două flancuri perfect simetrice față de axa centrală, iar bastionul din colțul de sud-vest are un contur hexagonal neregulat. Toate bastioanele cetății sunt înzestrate cu o suită de gabioane (coșuri înalte împletite din nuiele umplute cu pământ – n.a.) pentru protecția pieselor de artilerie și pușcașilor de focul inamicului. Drept analogii ale acestor construcții poligonale masive, numite de otomani *burç*, de francezi *boulevard* și *tourillon*, iar de italieni *torrione*, pot fi propuse dispozitivele defensive de flancare ale castelurilor din Budapesta și Saint-Ange din Roma, ale fortului Michelangelo din Civitavecchia ș.a.⁹. Deci, în cazul de față, avem o fortificație tipică turcească cu caracter semipermanent, dotată cu un turn de piatră și trei bastioane de tip *burç*, în care parapetele sunt înlocuite cu gabioane. Câteva *burçuri* masive au fost construite de otomani în cetatea Hotinului la sfârșitul secolului al XVIII-lea¹⁰.

Turnului de acces de la Palanca, consolidat cu două contraforturi, îi precede un *pont-levis* (pod ridicător – fr.), cu trei tronsoane, care, în poziție orizontală, se sprijină pe piloane masive de lemn. În interiorul fortăreței se află moscheea turcească, locuința comandantului militar și trei cazărmi ale soldaților. Șanțul de apărare cu escarpa și contraescarpa îmbrăcate în piatră are o secțiune în formă

de pânle. Curtinele de pământ sunt suplimentate de o palisadă de lemn, ce îngreuna escaladarea dispozitivelor defensive verticale.

Un alt document topografic realizat de mercenarul olandez în Moldova este planul cetății Bender și al așezării rurale Parcanii Noi¹¹. În partea inferioară a desenului poate fi văzută semnătura acestuia: „Le lieut. col. ingénieur pour l'hydraulique de Wollant” („Locotenent-colonelul inginerul pentru hidraulică de Wollant” – fr.). Pe plan este înfățișată cetatea bastionată care înglobează citadela de piatră, de configurație rectangulară, amplificată la colțuri și la mijlocul curtinelor cu turnuri. Construită parțial din pământ și parțial din piatră, ea poate fi inclusă în grupul fortificațiilor bastionate permanente. Constatăm că la complexul defensiv al Benderului a fost utilizată, într-o anumită măsură, prima manieră de fortificare a renumitului inginer francez Sébastien Le Prestre de Vauban, dar existând și anumite similitudini cu școala austriacă. Pe același desen, cu amănunte de detalii, apare și planul satului Parcanii Noi, numit de inginer „Nova Parkani”. Localitatea rurală amplasată pe malul stâng al Nistrului se găsește la intersecția a două artere: prima fiind numită pe autor „autre projet de communication” (alt proiect de comunicație – fr.) și cea de-a doua, aproape perpendiculară pe aceasta, ambele având continuare în afara ariei construite.

În memoriile sale F. de Wollant își amintește de planificarea orașului Nikolaev: „În 1790, la începutul primăverii, mie și domnilor Kneazev și Starov mi-a fost încredințată pregătirea proiectului orașului, portului și șantierului naval ș.a. pentru Nikolaev, care a durat cinci luni”¹². Este de remarcat că lucrul comun cu profesorul Academiei de Arte din Sankt Petersburg Ivan Starov a contribuit la apariția mai multor soluții strălucite de dezvoltare urbanistică a localităților din Imperiul Rus¹³.

După semnarea tratatului de pace de la Iași în 1791, el a fost avansat în gradul de inginer locotenent-colonel. În 1792 F. de Wollant a realizat la porunca Ekaterinei a II-a descrierea Țării Edisan, în care au intrat teritoriile cucerite de ruși între Nistru și Bugul de Sud¹⁴. Această lucrare a contribuit la apariția unor linii defensive în părțile de sud și sud-vest ale Imperiului Rus (pe Nistru, în Pontul Stâng, Crimeea, peninsula Taman ș.a.). În același an De Wollant a participat la lucrările urbanistice și de fortificare a litoralului Mării Azov și al Mării Negre și a devenit prim-inginer al Armatei de Sud conduse de generalul *en chef* Aleksandr Suvo-

rov¹⁵. Conform deciziei luate la Sankt Petersburg de a întemeia o rețea de fortificații în partea de sud a actualei Ucraina, a fost creată Expediția de construcții a cetăților de sud, la care, în afară de Suworov, a participat și F. de Wollant. În componența acestei expediții inginerul militar a realizat o serie de deplasări în zona pontică și cea nistreană, în Crimeea, pe litoralul Mării Azov ș.a. Se preconiza construcția a patru forturi pe linia nistreană și cea maritimă, refacerea forturilor de la Kerchi și Yenikale, construcția întăriturilor de la Sevastopol, a forturilor pe peninsula Taman și în apropierea cetății turcești Anapa, a cetăților Azov și Sf. Dmitri din Rostov, precum și refacerea fortificației de la Perekop¹⁶. Lucrările de recunoaștere s-au finalizat ulterior cu edificarea cetăților de la Tiraspol, Ovidiopol (Hacider), Odesa (Hacibey), Sevastopol, de pe peninsula Taman ș.a., toate fiind construite în stil bastionat¹⁷.

Primul plan al fortificației bastionate de la Tiraspol, numită Cetatea Nouă, Cetatea de Mijloc sau Depozitul Principal, a fost întocmit de mercenarul olandez împreună cu Suworov¹⁸. Conturul ei amintește un poligon alungit cu mai multe bastioane, semibastioane și caponiere. Se observă tendința spre simetrie față de axa transversală. Dinspre nord, bastioanele cetății sunt protejate de o cale acoperită de traseu zigzagat cu trei piețe de arme cu funcție de raveline, iar dinspre est, calea acoperită se lărgeste, transformându-se într-o construcție defensivă avansată, care include două piețe de arme. Aici este organizat accesul în cetate din partea așezării urbane. Cealaltă intrare în fortificație se găsește pe latura opusă. Mai aproape de gura râului Botna se găsește un *Kronwerk*. Bastioanele deschise ale piesei defensive înzestrate cu depozite de pulbere, unghiul drept format de flancurile bastioanelor și cortine, precum și multiplicarea contragardelor „cu clești” – toate acestea amintesc de fortificațiile olandeze din secolul al XVIII-lea, în special de maniera de fortificare a inginerului flamand Georges-Prosper de Verboom (Joris Prosper van Verboom), iar traseul frânt în exterior al curtinelor pare a fi o reminiscență a manierei inginerului olandez Menno Van Coehoorn¹⁹. Marea majoritate a bastioanelor cetății poartă nume bărbătești: Vladimir, Pavel, Piotr, Gheorghe, Vasili și Nicolai, dar există un bastion cu nume de Slava (Gloria – rus.) și un alt denumit Pobedonoset (Purtătorul de Biruințe – rus.). Semibastioanele și contragarda au și ele nume bărbătești: Aleksandr, Ioann și Grigori. Piețele de arme, care ocupă o poziție mai avansa-

tă înspre câmpul de luptă, poartă nume de femei: Elena, Olga, Maria, Ekaterina și Aleksandra. Unele sunt dedicate sfințelor ocrotitoare, altele țarinelor ruse cu contribuții militare deosebite.

În *intramuros* se află biserica garnizoanei Sf. Apostol Andrei, Întâiul Chemat și câteva complexe de construcții auxiliare. Printre ele se numără arsenalul, pulberăria, carcera, cazărmiile soldaților și locuințele ofițerilor, magazii, fierăria, casa comandantului ș.a. Conform conceptului urbanistic, există o anumită „ruptură” între piesa defensivă și noua așezare, ambele fiind situate pe malul Nistrului, care formează în acest loc o buclă. Cartierele orășenești, proiectate „în tablă de șah”, prezintă dreptunghiuri egale, urmărind strict moda urbanistică rusească de la sfârșitul secolului al XVIII-lea, de factură clasicistă. Se evidențiază, planimetric, piața principală a Tiraspolului și câteva piețe secundare.

Se știe că prima „piatră de temelie” a Cetății de Mijloc a fost pusă la 22 iunie 1793 aici, pe malul stâng al Nistrului, vizavi de orașul Bender, pe locul așezării moldovenești Suclea, arsă în timpul războiului ruso-turc²⁰. Peste trei ani ambasadorul Sardiniei în Rusia, baronul De-la-Turbia, consemnează în notițele sale de călătorie: „Tiraspolul pe Nistru, la 100 de verste de Ovidiopol și la patru verste de Bender. Amplasarea este proastă, dar cetatea este destul de bună; ea are șase bastioane, magazine de pâine și cazărmi pentru 4-5 mii de oameni”²¹. În 1800 întărirea de pământ a Tiraspolului construită de inginerul F. de Wollant figura printre cele mai puternice cetăți de pe Linia Nistrenă. Ea ținea de regiunea Kiev și intra în numărul celor 58 de fortificații de stat ale Imperiului Rus, fiind calificată ca obiectiv militar de clasa a II-a.

În toamna anului 1792 F. de Wollant a cercetat hotarul între Polonia și Imperiul Otoman, a examinat cetatea de la Hotin și a elaborat planul topografic al acesteia²².

O fortificație bastionată proiectată de mercenarul olandez în 1793 este cea de la Ovidiopol. Situată pe terasa superioară a pantei între două râpi, ea dispunea de un contur *tenaliat* și amintea avanposturile construite în formă de *Hornwerk* în zona de frontieră a Imperiului Rus la sfârșitul secolului al XVIII-lea. Pe planul elaborat de inginer în 1794²³ apare un fort cu două semibastioane, două *tenaille*-uri și un redan. Dinspre râu fortul este protejat de mai multe *tenaille*-uri. Simetrică față de axa transversală, întărirea este înconjurată din trei părți de un șanț sec și un drum de stra-

jă cu două piețe de arme triunghiulare și una în formă de coroană *tenaliată* cu funcția de ravelin. Fețele *tenaille*-urilor sunt amplasate sub un unghi de 60°-120° față de linia frontului. În *intramuros* se găsesc magazinele și cazărmiile soldaților. În apropierea fortului F. de Wollant a proiectat o altă fortificație de pământ de plan alungit pentru clădirile Amiralității, dotată cu semibastioane, *tenaille*-uri și cortine cu traseu frânt în exterior, caracteristice școlii militare olandeze.

La construcția întăriturilor de la Ovidiopol finisată în 1795 au contribuit de asemenea inginerii militari Egor Foerster, Fiodor Kaiser, Andrei Von Derplatten ș.a.²⁴. Linia *tenaliată* a fortului a fost modificată în partea riverană, iar piața de arme cu funcția de ravelin a obținut forma obișnuită, triunghiulară²⁵. În piețele de arme laterale au fost plasate bateriile de barbetă, iar mai aproape de apă a apărut un bastion triunghiular în unghi ascuțit. Cortinele și bastioanele de pământ ale fortului au fost îmbrăcate în piatră de calcar. Totuși, această fortificație nu l-a impresionat în 1796 pe baronul De-la-Turbia, care a consemnat că la Ovidiopol există „nu mai mult de 200 de case; pe o înălțime sunt amenajate tranșee pentru apărarea magaziiilor de pâine; trei baterii coboară în registre până la nivelul mării. Toate acestea se numesc cetate, dar în esență nu reprezintă nimic”²⁶.

„Planul întăriturilor de la Sevastopol...”, elaborat de inginerul F. de Wollant în iulie 1793, prevedea încorporarea în sistemul defensiv al acestui port maritim a mai multor forturi și redute amplasate din ambele părți ale Golfului Mare²⁷. Fortul Aleksandr, de plan triunghiular, includea două semibastioane și un turn cilindric amplasat în vârful promontoriului ieșit în Golful Mare. O redută proiectată, numită în documentul grafic reduta „I”²⁸, beneficia de un plan în formă de potcoavă, fiind protejată dinspre uscat de o pereche de semibastioane. Dinspre golf el dispunea de o cortină rotunjită și o contraescarpă cu traseu *tenaliat*. Pentru ridicarea tunurilor pe bastioane în redută erau amenajate patru *apareille*-uri. Fortul Nikolai, cel mai spațios, reprezenta o piesă defensivă de plan neregulat, apărată de bastioane de diferite tipuri și un turn cilindric. Un fort nou, amplasat în apropierea zonei locuite, destinat apărării orașului dinspre Golful de Sud, înscrisa un plan în formă de stea cu șase raze înconjurată de un șanț sec și o cale acoperită suplimentată cu trei piețe de arme cu funcție de ravelin. El amintea construcțiile defensive ale inginerului militar prusac Friedrich Wilhelm

von Gaudi. Fortul Constantin și Fortul Mare amplasate pe promontorii din partea de nord a Golfului Mare beneficiau de planuri apropiate de cele triumphiulare. Primul fort era apărat de bastioane, iar celălalt – de un bastion și două semibastioane. Un nou fort de plan pătrat, împrejmuțit cu șanț sec și o cale acoperită cu pietre de arme, proteja portul dinspre nord. Pe planul din 1793 sunt indicate construcțiile defensive deja existente la acea vreme (forturile Aleksandr, Konstantin și Nikolai), cele începute (Fortul de Nord), precum și amenajările de apărare proiectate de mercenarul olandez. La începutul secolului al XIX-lea mai multe întărituri ale Sevastopolului au fost modernizate²⁹.

La 27 mai 1794 Ekaterina a II-a a emis un rescript pe numele general-*Feldzeugmeister*-ului Platon Zubov în care ordona întemeierea unui nou oraș și port pe locul cetății Hacıbey (Gadjibey, Hadjibey) cucerită de la otomani (redenumit în 1796 în Odesa) după proiectul inginerului F. de Wollant³⁰. A fost emis de asemenea un rescript pe numele viceamiralului Iosif de Ribas (José de Ribas y Boyons), șef al portului Hacıbey și răspunzător pentru lucrările de amenajare a portului și orașului. În același an așezarea Hacıbey a primit statut de oraș. Pentru supravegherea lucrărilor de construcție a fost creată Cancelaria construcțiilor orașului și portului Hacıbey în frunte cu inginerul F. de Wollant³¹, care a contribuit la apariția sistemului defensiv al orașului și a întocmit planul urbanistic. La baza lui a stat proiectul zonei de locuit pentru marinarii flotei Mării Mediterane, elaborat conform principiilor planimetriei regulate³². O rețea de străzi reciproc perpendiculare acoperea întreaga așezare, în axele principale fiind plasate stabilimentele comerciale de interes orășenesc. Pașajele spre mare erau amenajate în râpa Carantinei, cea Militară și cea „dinspre apă”. Portul maritim includea trei porturi mai mici: cel al Carantinei, Negustoresc (Practic) și Militar³³. Planurile orașului și portului Hacıbey au fost aprobate la Sankt Petersburg, toate lucrările de construcție fiind, în fond, terminate în 1796.

Prezintă interes schița de proiect a viitorului oraș Odesa realizată de inginerul F. de Wollant în 1793, intitulată „Disposition des projets d'établissement à baie d'Adgibei et vieux châteaux d'Adgibei ruiné...”³⁴ („Disponerea proiectelor așezării în golful Adgibei și a vechiului castel ruinat din Adgibei...”). Aici într-o variantă schematică, dar cu respectarea scării și a reperelor topografice, sunt arătate amenajările defensive noi ale localității:

Cetatea Mare, Citadela sau Fortul Mare, situat în zona riverană pe marginea unei faleză între râpa Cazacului și domeniul de pe lângă capul Hacıbey și Cetatea Mică sau Fortul Mic, destinat construcțiilor Amiralității flotei cu rame, proiectat de autor lângă râpa Militară, alături de noile cartiere de locuit. De Wollant indică pe locul actualului parc „Taras Șevcenko” conturul exterior stelat al Cetății Mari apărate dinspre apă de un „clește” dublu. În schimb Cetatea Mică, concepută în forma unui *Hornwerk* bastionat, este reprezentată mai detaliat. În interiorul Fortului Mic apare vechiul castel de piatră în stare ruinată, releveele cărui au fost întocmite anterior de inginerii militari Freigang și André Joseph Lafitte Clavé³⁵. Atragem atenția asupra amplasării acestui obiectiv defensiv, care și astăzi rămâne obiectul unor discuții controversate între specialiști: poarta de acces a castelului turcesc este orientată înspre așezare pe direcția nord-vest – sud-est, dar nu înspre mare ca în varianta propusă în câteva publicații recente³⁶, diferența alcătuind circa 80-90°. Inițial vechiul castel era conceput ca nucleul noului fort bastionat, dar ulterior s-a renunțat la această idee³⁷. Pe schița de proiect apare și retranșamentul turcesc, numit în planul cercetașului rus Ivan Isleniev din 1766 „retranșamentul <cetății> vechi unit cu bateria”³⁸. De fapt, sunt resturile unei cetăți bastionate pasagere, care întreține promontoriul format de linia riverană a înălțimii și râpa Militară, fiind obținut un spațiu întărit de contur patrulater. Pe rămășițele bastionului dotat cu bateria menționată de topograful militar Isleniev, F. de Wollant a desenat o redută.

Schița de proiect întocmită de mercenarul olandez localizează concomitent patru obiective militare ale viitorului port Odesa: cele noi – Fortul Mare și Fortul Mic, precum și cele vechi – castelul Hacıbey și retranșamentul turcesc din secolul al XVIII-lea, numit în documentele de epocă „cetatea Yeni Dünya” („Lumea Nouă” – turc.)³⁹. Castelul protejat de resturile unui retranșament apare și într-un alt document topografic din 1793⁴⁰, dar aici noile fortificații portuare nu sunt reprezentate.

În planurile localității elaborate de inginerul F. de Wollant⁴¹, Fortul Mare, principala cetate a urbei, se prezintă ca o fortăreață stelată, dotată cu cinci bastioane de pământ înzestrate cu piese de artilerie, având între ele curține cu traseu frânt în exterior. Ele purtau numele Andrei, Iosif, Nikolai, Gheorghe și Aleksandr. În curtea interioară putea fi dislocat un efectiv militar de 5000 de soldați, iar lungimea totală a îngrăditurilor de pământ acope-

rite cu gazon ajungea până la 1600 m⁴². Șanțul sec al fortificației, cu cuvetă, a fost suplimentat cu o cale acoperită cu șapte piețe de arme: trei ieșite și patru intrate, cu funcție de raveline ce aveau spații îngrădite pentru plasarea pieselor de artilerie. Ultimele purtau numele Elena, Evdokia, Praskovia și Elisaveta. Între aceste piețe de arme și glacis au fost săpate șanțuri suplimentare cu escarpă și contraescarpă, iar pantele *Walgang*-ului au fost acoperite cu gazon. În interiorul Cetății Mari, în jurul pieței de paradă de plan oval, se aflau mai multe construcții auxiliare grupate în compoziții de tip perimetral: arsenalul, carcera, două depozite de pulbere, magaziiile, cazărmile militarilor, casa inginerilor, atelierele, penitenciarul ș.a. Un loc aparte era rezervat bisericii Sf. Aleksandr Nevski, dar acest edificiu de cult de tip central a rămas doar pe hârtie. Spre cele două accese principale orientate înspre Marea Neagră ducea un drum zigzagat. O construcție riverană în formă de *Hornwerk* (Întăritura de Jos), care figurează în proiectele din 1793–1794, dispăre în releveul din 1797, fiind înlocuită de curține cu traseu în linie frântă.

Cetatea Mare a Odesei era cunoscută și ca Cetatea lui Suvorov, deoarece comandantul de oști supraveghea personal lucrările de construcție⁴³. Ea îmbina traseul tenaliat cu cel bastionat „clasic”, iar curținele frante spre exterior erau caracteristice fortificațiilor bastionate edificate după modelul școlii olandeze. *Tenaille*-urile în fața acceselor dinspre piețele de arme sunt caracteristice pentru prima manieră a lui Vauban. Cetatea Mică, dotată cu semibastioane și *tenaille*-uri, dispunea de o baterie puternică amplasată în gorjă. Ca și în cazul Cetății Mari, construcția riverană în formă de *Hornwerk* din proiectele din 1793–1794 nu a fost construită.

Au urmat și alte lucrări importante realizate de mercenarul F. de Wollant, în urma cărora au apărut depozitul fortificat de la Perekop, carantina, bateria și debarcaderul pentru navele militare la Eupatoria, o serie de arsenale și depozite la Sevastopol, un depozit pe peninsula Taman ș.a.

În 1794, ajungând împreună cu armata rusă în Polonia, De Wollant a participat la înăbușirea răscoalei lui Kościuszko (Andrzej Tadeusz Bonawentura Kościuszko). Tot atunci Zubov i-a încredințat conducerea cu toate lucrările ingineresti la hotarul de vest al Imperiului Rus. În același an, inginerul a fost avansat în grad de colonel. În 1795 au fost finisate lucrările de construcție la cetățile de la Kinburn, Ovidiopol, de pe peninsula Taman ș.a.

Proiectul fortificației bastionate Fanagoria de

pe peninsula Taman, considerată ulterior drept una din cele mai puternice cetăți ale Imperiului Rus, a fost realizat de inginerii F. de Wollant și Ivan Kneazev⁴⁴. Piesa defensivă beneficia de un plan semicircular și era dotată cu trei bastioane (Piotr, Pavel, Vladimir) și două semibastioane (Boris, Gleb). Apariția flancurilor duble ale bastioanelor denotă influența școlii austriece, iar curținele bombate sunt caracteristice pentru școala olandeză. Acestea erau protejate de patru raveline cu lunete împrejmuite cu o cale acoperită suplimentată cu piețe de arme intrate. În spațiul *intramuros* se găseau cazărmile ofițerilor și soldaților, casa comandantului militar și construcțiile auxiliare amplasate paralel și perpendicular pe linia riverană.

Fortificația de la Kinburn era situată vizavi de Oceakov, pe un banc îngust și lung de nisip, între limanul Niprului și Marea Neagră. Ea avea o importanță strategică deosebită pentru Imperiul Rus în timpul războaielor cu Poarta Otomană. Pe „Planul cetății Kinburn cu indicarea în ce mod aceasta poate fi corectată”⁴⁵ realizat de inginerul F. de Wollant în 1794 cu participarea nemijlocită a lui Suvorov sunt indicate prin culoare lucrările de construcție preconizate pentru anii 1794 și 1795. Fortificația protejată dinspre uscat de două șanțuri de apărare includea două semibastioane deschise cu un flanc rotunjit, un semibastion obișnuit, un bastion pentagonal puțin ieșit în fața curținei și două bastioane de tip *burç* de plan poligonal neregulat. Fortificația era împrejmuită cu o cale acoperită suplimentată cu mănunchiuri de piețe de arme. Partea exterioară a curtinelor și bastioanelor de pământ a fost îmbrăcată în piatră. În patru piețe de arme, ca și în cazul Fortului Mare de la Odesa, sunt îngrădite spații pentru artilerie. Dinspre Limanul Niprului, pe planul inginerului F. de Wollant apare o lunetă mare cu gorja închisă dotată cu cazemate, în fața căreia sunt proiectate două debarcadere. Inginerul s-a implicat nemijlocit în lucrările de construcție, în urma cărora în spațiul intramuran au fost edificate cazărmile, depozitele și biserica de lemn⁴⁶.

Mercenarul olandez s-a ocupat de elaborarea planurilor de sistematizare a așezărilor Nikolaev, Novocerkask, Perekop, Grigoriopol, Kamenet-Șahtinsk, Voznesensk, Bahmut, Dubăsarii Noi⁴⁷ ș.a. După proiectele lui au fost edificate mai multe carantine pe malurile Nistrului, pe litoralul pontic, în Crimeea și lângă Marea Azov, în special la Odesa, Dubăsari, Ovidiopol, Iampol, Ivanet, Eupatoria, Sevastopol, Kerci, Feodosia ș.a.

În rescriptul din 4 decembrie 1795 emis de Ekaterina a II-a pe numele general-*Feldzeugmeister*-ului Platon Zubov sunt menționate meritele deosebite ale inginerului F. de Wollant, cu ajutorul căruia „prin activitate neobosită și promptitudine toate lucrările numeroase și construcțiile realizate în departamentul vostru se execută cu succesul dorit”, fiindu-i dăruite „cu toată milostenia, în semn de respect pentru lucrările realizate și numeroase cheltuieli pe care el, potrivit funcției sale, trebuia să le facă, 10000 de ruble pentru o singură dată și câte 100 de ruble pe lună, bani pentru alimentare”⁴⁸.

Prezintă interes concepția inginerului referitoare la amplasarea liniilor operaționale defensive în partea de vest a Imperiului Rus. Este vorba de trei centuri eșalonate de piese defensive, iar în locurile probabile ale unor războaie mici se propunea un sistem de forturi-avanposturi și piețe de armă⁴⁹. Specialistului militar îi aparține planul atacului-fulger asupra Constantinopolului cu intenția de a câștiga războiul cu Poarta doar în timp de trei luni. El a propus de asemenea soluții de fortificare a frontierei între Imperiul Rus și cel Otoman, contribuind la apărarea Crimeii și Sevastopolului.

În 1797 mercenarul olandez a fost avansat în gradul de general-maior, devenind șeful Departamentului de forturi și cetăți din Sankt Petersburg, Kronstadt, Schlüsselburg, Arhanghelsk și Moscova. În același an, în calitate de membru al Colegiului militar de inginerie și fortificații, s-a ocupat de elaborarea planurilor de fortificare a unor orașe din Imperiul Rus.

De Wollant și-a terminat cariera militară în 1798 la Mariupol. După decesul Ekaterinei a II-a el a nimerit în dizgrație și un an a lipsit din țară, dar a revenit atunci când a fost invitat de Pavel I să activeze în calitate de membru al Departamentului de comunicații acvatice instituit în 1799.

În 1800, pentru elaborarea planurilor canalelor de ocolire a lacurilor Ladoga și Onega, inginerul a fost avansat în grad de general-locotenent. O altă lucrare hidrotehnică de amploare a fost construcția canalului Mariinsk între râurile Kovja și Vătegra⁵⁰. Activând în departamentul în cauză, F. de Wollant a proiectat și a construit sistemul acvatic de la Tihvin, a proiectat câteva canale care uneau lacul Onega cu Marea Albă, a proiectat canalul între râurile Șeksna și Dvina de Nord pentru a obține o legătură pe apă între orașele Sankt Petersburg și Arhanghelsk⁵¹. În atenția lui permanentă a fost sistemul acvatic Mariinsk, precum și cel

de la Volga Inferioară. Un timp F. de Wollant s-a ocupat cu curățarea pragurilor de pe râul Nipru, cu construcția canalelor și ecluzelor, cu amenajarea porturilor și cu edificarea diferitor construcții hidrotehnice. În 1803 a fost terminată construcția canalului Oghinsk, iar în 1804 inginerul a luat parte la construcția portului de la Taganrog și la lucrările hidrotehnice de pe Kuma, Terek și Manâci, precum și cu amenajarea Canalului Vechi, care lega râurile Volga și Don. La acea vreme în subordinea mercenarului olandez erau toate inspectoratele acvatice de pe Nistru, Oka, Neman, Volga și alte râuri mai mici.

O serie de idei ale specialistului au fost luate în seamă la elaborarea planului general al Odesei avizat în 1803 de inginerul militar Egor Foerster. La propunerea mercenarului olandez, în planul corectat din 1811 au fost sistematizate noile suburbii orășenești Peresâpi și Moldavanka.

În 1810 F. de Wollant a devenit inspector general al Corpului de ingineri al căilor de comunicație, în cadrul căruia a elaborat mai multe lucrări importante: proiecte de ameliorare a hidrotehnicii râurilor Tver și Tveret, construcția unor obiective ale sistemului acvatic de la Vâșnevolotk și ale celor situate lângă canalul Ladoga⁵² ș.a.

Din 1812 îl regăsim înrolat în armata principală Georg Oldenburg, în calitate de șef principal al căilor de comunicație. Însă în următorii anii F. de Wollant nu a obținut mijloacele financiare necesare pentru realizarea proiectelor ingineresti din cauza războiului cu Napoleon și urmărilor acestuia. Se știe că din 1814, în calitate de director, el a devenit membru al Cabinetului de Miniștri al Imperiului Rus.

În 1816 a fost creat Comitetul special privind construcția și întreținerea drumurilor mari ale Imperiului Rus, care se ocupa de construcția șoselelor, după cele mai noi tehnologii ale vremii. De Wollant a contribuit, în mod esențial, la amenajarea și ameliorarea arterelor terestre, implicându-se personal în lucrările de construcție și cele de supraveghere.

Pentru vitejie și muncă de excepție el a fost decorat cu crucea Sf. Gheorghe, ordinele Sf. Vladimir (clasa a IV-a, clasa a III-a, clasa a II-a), Sf. Ioan de Ierusalim, Sf. Anna (clasa I) și Sf. Aleksandr Nevski.

François Paul Sainte de Wollant a decedat la 13 noiembrie 1818 în orașul Sankt Petersburg, fiind înmormântat la cimitirul luteran Volkov.

Referințe bibliografice și note

- ¹ A se vedea: Де-Волант, Жене́раль Франсуа. Очерк моей службы в России в 1787–1811 гг. Одесса: Изд. Одесский Морской порт, 1999; Русский биографический словарь. Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцева. Санкт-Петербург: Тип. Товарищества „Общественная польза“, 1905, т. 6, 748 р.; Тищенко О. Видатний фортифікатор і містобудівник Франц Деволан і його роботи на півдні України. În: Фортифікація України, Кам'янець-Подільський, 1998, р. 25; От голландского капитана до российского министра. Франц Павлович де Волан (к 250-летию со дня рождения). Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2003. 368 р.; Пилявский В. А. Зодчие Одессы: историко-архитектурные очерки. Одесса: Optimum, 2010, 212 р.; Письма Великой Княгини Екатерины Павловны к инженер-генералу Ф. П. Деволану. În: Божерянов И. Н. Великая Княгиня Екатерина Павловна, четвертая дочь Императора Павла I. Санкт-Петербург, 1888, р. 59-72; Верховский В. М. Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства Путей Сообщения за сто лет его существования (1798–1898 гг.). Сост. Измайлов К. П. Изд. 2-е, доп., Санкт-Петербург, 1909, 391 р.; Военная энциклопедия. Под ред. Величко К. И., Новицкого В. Ф. и др., т. 9, Санкт-Петербург: Тип. Товарищества Сытина И. Д., 1912, т. 9, 322 р.; Лурье В. М. Морской биографический словарь: деятели Российского флота XVIII века. Санкт-Петербург: Выбор, 2005, 350 р.; Энциклопедия военных и морских наук. Под ред. Леера Г. А. Санкт-Петербург: Тип. Безобразова В. и Комп., т. 3, 1888, 584 р.; Добролюбовский А. Археология Одессы. Одесса: Optimum, 2012; Шукин В. В. Деволан Франц Павлович (Франц-Павел де Воллан, Де-Волант, Сент-Деволан, François Sainte de Wollant. <http://history.mk.ua/devolan-frants-pavlovich-frants-pavel-de.htm> (vizitat 15.06.2013); François-Paul Sainte de Wollant. http://fr.wikipedia.org/wiki/Fran%C3%A7ois_Sainte_de_Wollant (vizitat 15.06.2013) ș.a.
- ² Шукин В. В. Деволан Франц Павлович
- ³ Де-Волант, Жене́раль Франсуа. Очерк моей службы..., р. 5.
- ⁴ Ibidem.
- ⁵ Пилявский В. А. Зодчие Одессы..., р. 7.
- ⁶ Энциклопедия военных и морских наук..., р. 31.
- ⁷ Planul localității Palanca din 1789 se păstrează la Biblioteca Națională a Ucrainei V. I. Vernadski, Sectorul materialelor cartografice, nr. 6500. Publicat în: Hâncu I. Vestigii arheologice ale județului Tighina. În: Patrimoniul cultural al județului Tighina. Chișinău, 2004, р. 75 (oferit pentru publicare de Tamara Nesterov); Карашевич И. Середньовічне укріплення Яник-Хісар (Паланка). În: Археологія та фортифікація Середнього Подністрів'я. Збірник матеріалів III Всеукраїнської науково-практичної конференції. Кам'янець-Подільський, 2013, р. 108-110.
- ⁸ Călători străini despre Țările Române. București: Editura științifică și enciclopedică, vol. VI, 1976, р. 413.
- ⁹ Ținem să mulțumim istoricului Phillippe Bragard pentru ajutorul acordat.
- ¹⁰ Arhiva Militară-Istorică a Rusiei din orașul Moscova (în continuare AMIRM). F. 846, inv. 22755, f. 1.
- ¹¹ Acest plan al cetății Bender și al așezării rurale Parcanii Noi a fost descoperit în arhivele rusești de restaurator Eugen Smolin și expus în: <http://oldchisinau.com/forum/download/file.php?id=17169&mode=view> (vizitat 30.11.2014).
- ¹² Де-Волант, Жене́раль Франсуа. Очерк моей службы в России..., р. 6.
- ¹³ Тищенко О. Видатний фортифікатор..., р. 25.
- ¹⁴ Волан Ф. П. Описание земли Едисан. În: Наследие Ф.П. Де-Волана: из истории порта, города, края. Одесса, 2002.
- ¹⁵ Русский биографический словарь..., р. 155.
- ¹⁶ Де-Волант, Жене́раль Франсуа. Очерк моей службы в России..., р. 11.
- ¹⁷ Пилявский В. А. Зодчие Одессы..., р. 8.
- ¹⁸ Acest plan al fortificației de la Tiraspol este expus în: <http://tiraspol-city.by.ru/crepost.htm> (vizitat 15.04.2014).
- ¹⁹ Ținem să mulțumim istoricilor Nicolas Fauchere și Phillippe Bragard pentru ajutorul acordat.
- ²⁰ Сутягина В. Тирасполь. Кишинев: Тимпул, 1986, р. 7.
- ²¹ Письмо сардинского посла барона Де-ла-Турбиа о России, 1796 г. În: Чтения в императорском обществе истории и древностей российских, Москва, №4, р. 26.
- ²² Де-Волант, Жене́раль Франсуа. Очерк моей службы в России..., р. 10.
- ²³ Planul fortificației de la Ovidiopol elaborat de inginerul De Wollant este publicat în: Аргатьюк С.С., Левчук В. В., Сапожников И. В. Аджидер-Овидиополь: очерки по археологии и истории города и крепости. În: Труды Государственного архива Одесской области. Одесса-Овидиополь: Тип. Апрель, 2014, т. XLI, р. 123.
- ²⁴ Ibidem, р. 98.
- ²⁵ Ibidem, р. 125.
- ²⁶ Письмо сардинского посла барона Де-ла-Турбиа..., р. 28.
- ²⁷ Planul Sevastopolului din 1793 păstrat în AMIRM, F. 3, d. 3481 a fost publicat în: А. В. Суворов. 1791–1798. Документы, схемы (под ред. Мещерякова). Москва: Воениздат, 1952, т. III.

²⁸ Planul redutei „i” de la Sevastopol păstrat în AMIRM, F. 3, d. 3510 a fost publicat în: A. В. Суворов...

²⁹ A se vedea planul Sevastopolului din „Атлас планов крепостей Российской Императорской Армии (1830–1840)” păstrat în Biblioteca de Stat a Rusiei din orașul Moscova.

³⁰ Пилявский В. А. Зодчие Одессы..., p. 8.

³¹ Ibidem.

³² Русский биографический словарь..., p. 156.

³³ Пилявский В. А. Зодчие Одессы..., p. 8.

³⁴ Copia acestei schițe de proiect a așezării Hacıbey din 1793 se găsește în expoziția Muzeului portului „F. De Wollant” din orașul Odesa.

³⁵ Красножон А. Крепость Хаджибея: иконография, археология, политика. În: Lietuvos pilys 2010, Vilnius, 2011, p. 19.

³⁶ A se vedea: Добролюбовский А. Археология Одессы..., p. 168; Красножон А. Крепость Хаджибея..., p. 22; Idem, „Страсти по Качубиеву”, или Сколько лет Одессе? În: http://www.odessitclub.org/reading_room/krasnozhon/skolko_let_odesse.php (vizitat 15.02.2015) ș.a.

³⁷ Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII в. Киев: Наукова думка, 1984, p. 75.

³⁸ Боровой С. Я. Хаджибей в 60-е гг. XVIII ст. În: Записки Одесского археологического общества истории и древностей. Одесса, 2, p. 132.

³⁹ Красножон А. Крепость Хаджибея..., p. 23.

⁴⁰ Copia acestui plan al așezării Hacıbey din 1793 se găsește în expoziția Muzeului portului „F. De Wollant” din orașul Odesa.

⁴¹ Copiile planurilor viitorului oraș portuar Odesa din 1794–1797 se găsesc în expoziția Muzeului portului „F. De Wollant” din orașul Odesa. Planul întăriturilor din 1793 păstrat în AMIRM, F. 846, d. 66198 a fost publicat în: A. В. Суворов. Документы...

⁴² Сурилов А. Крепостное предместье – реликвия Одессы. În: Одесский вестник, Одесса, 28 марта 2015 г., № 10. B: <http://www.odvestnik.com.ua/issue/710/14347/> (vizitat 04.02.2015).

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Planul cetății bastionate Fanagoria de pe peninsula Taman elaborat de inginerii De Wollant și I. Kneazev se păstrează în AMIRM, F. 349, inv. 40, d. 4381. Este expus în: <http://www.taman-yug.ru/index/0-15> (vizitat 14.03.2015).

⁴⁵ Planul cetății bastionate de la Kinburn din 1794 păstrat în AMIRM, F. 846, d. 66277 a fost publicat în: A. В. Суворов. Документы...

⁴⁶ Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья..., p. 59.

⁴⁷ Русский биографический словарь..., p. 155.

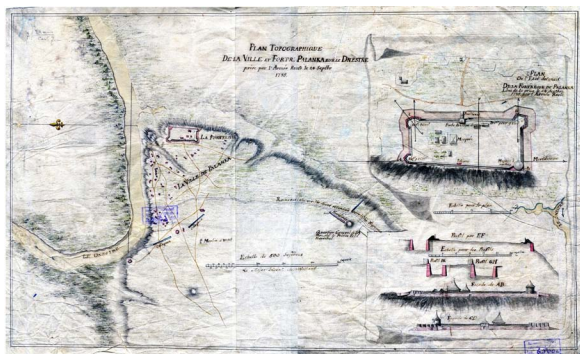
⁴⁸ Ibidem..

⁴⁹ Ibidem, p. 156.

⁵⁰ Энциклопедия военных и морских наук..., p. 32.

⁵¹ Пилявский В. А. Зодчие Одессы..., p. 9.

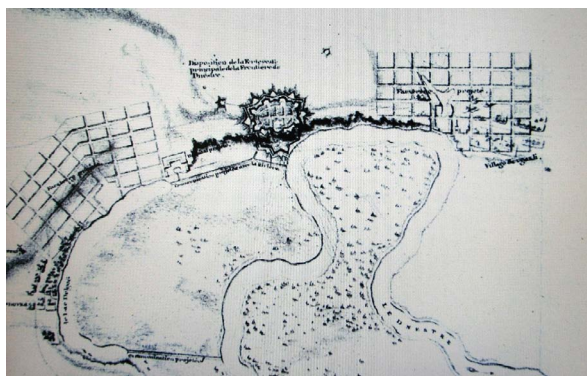
⁵² Русский биографический словарь..., p. 157.

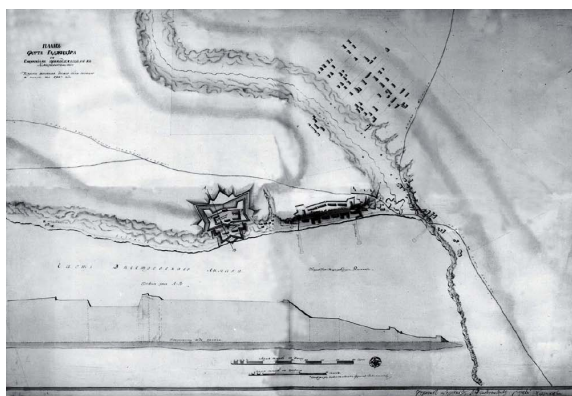
Planul topografic al orașului și fortificației Palanca de pe Nistru, cucerită de armata rusă la 24 septembrie 1789 (după Карашевич И. Середньовічне укріплення Яник-Хисар...)

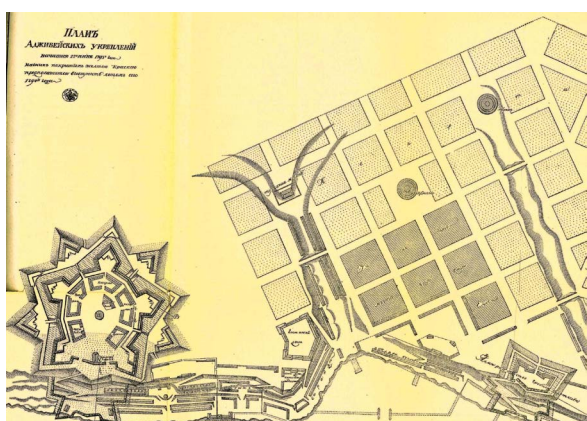
Planul topografic al cetății Bender și al satului Parcani Noi (după Smolin E., expus în: <http://oldchisinau.com/forum/download/file.php?id=17169&mode=view>, vizitat 30.11.2014)

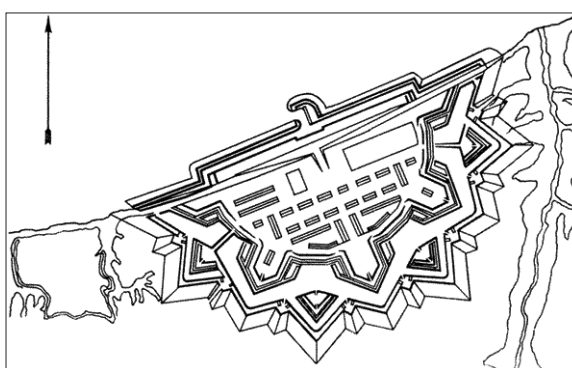
Planul oraşului Tiraspol (expus în: <http://tiraspol-city.by.ru/crepost.htm>, vizitat 15.04.2014)

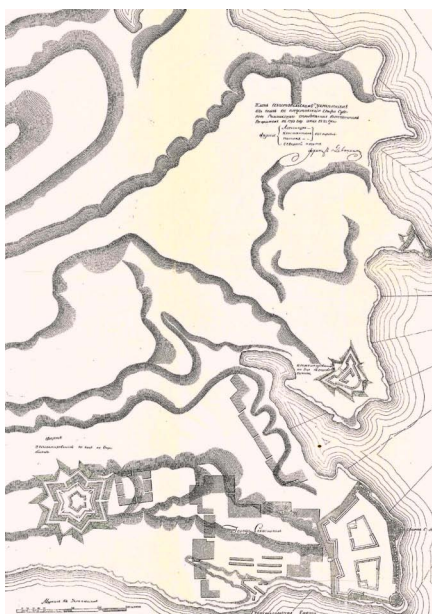
Planul oraşului Ovidiopol (Hacider), 1794
(după Аргатюк С. С., Левчук В. В., Сапожников И. В. Аджидер-Овидиополь...)

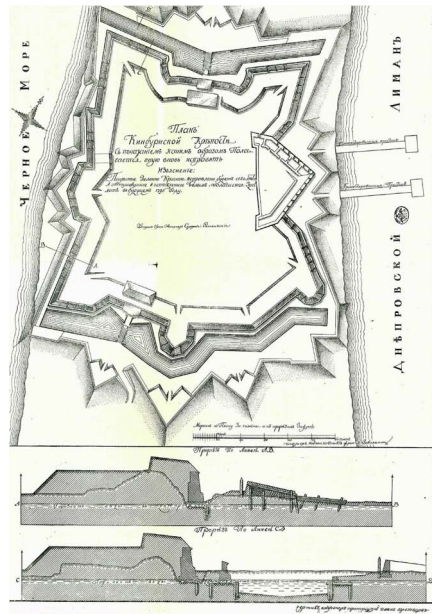
Planul oraşului Hacibey (Odesa), 1794
(după А. В. Суворов. Документы...)

Planul cetăţii Fanagoria de pe peninsula Tamani
(expus în: <http://www.taman-yug.ru/index/0-15>, vizitat 14.03.2015)

Planul întăriturilor de la Sevastopol, 1793
(după А. В. Суворов. Документы...)

Planul cetăţii Kinburn
(după А. В. Суворов. Документы...)